

Планы русского командования в Бородинском сражении и их реализация

«...Принимая в расчет влияние страстей, не чуждых даже и великим людям, историк встречается с недоверчивостью показания очевидцев, но не может обойтись без их помощи, и потому, приняв на себя священную обязанность жреца истины, бывает поставлен в тягостное положение — уверять в том, в чем не убежден сам»ⁱ. Эти слова принадлежат историку М.И. Богдановичу и являются фрагментом «необычайного предисловия» (А. Геруа), которым в его сочинении начинается XXIII глава, посвященная описанию Бородинского сражения. Каким бы парадоксальным ни показалось это высказывание, на наш взгляд оно характеризует те трудности, с которыми сталкиваются многие поколения историков, изучавших и изучающих события великой битвы. Так, до сих пор возникает множество вопросов, связанных с определением хронологии боевых действий в сражении, без чего сложно уяснить их логику. Эти «белые пятна» в исследованиях во многом вызваны недоговоренностью, неконкретностью в определении планов обеих сражавшихся сторон. Особенно это касается замыслов русского командования, без знания которых трудно судить о степени их реализации. И главная тому причина — историографическая традиция, сложившаяся вопреки сведениям, содержащимся в источниках. Историки нередко закрывали глаза на обнаруженные там противоречия, зачастую создавали их сами, основываясь на неверных представлениях и предубеждениях. Один из серьезнейших исследователей Бородинского сражения А. И. Попов из Самары справедливо заметил: «Картина сражения стала в нашей историографии неким непререкаемым канонem, в котором совершенно стертые все «острые углы», много численные расхождения и противоречия, наличествующие в источниках и научных трудах»ⁱⁱ.

Обращаясь к теме планирования генерального сражения при Бородине, следует отметить, что и по сей день историки по-разному определяют конечную цель, иначе говоря, посильную задачу, которую ставило себе русское командование в этой битве. Отдавая распоряжение о поиске позиции, Кутузов вряд ли размышлял тогда в тех категориях, которыми оперировали впоследствии французские авторы. Пеле, например, утверждал: «Две армии, первые в свете, приготовились оспаривать скипетр Европы»ⁱⁱⁱ. Годы спустя в своих воспоминаниях ему вторил Лабом: «Эта битва должна была решить судьбу обеих Империй»^{iv}. Эти высказывания в большей степени характеризуют намерения Наполеона, одержав верх в долгожданной схватке, принудить, наконец, побежденного противника к миру. «Мир ждет меня у ворот Москвы», — твердил он приближенным.

В среде русских военачальников возможный исход битвы оценивался по-разному. Для многих из них Бородино — это прежде всего попытка отстоять Москву и, несмотря ни на что, остановить продвижение наполеоновских войск на восток. («Здесь, величественная Москва, твоя участь вверяется жребию!» — восклицал Ермолов.) Эти ожидания могли быть связаны с отсутствием реальных представлений о положении дел с резервами. Само по себе это неудивительно: точными сведениями о них не располагал сам Александр I. Но даже имея все необходимые сведения о наличных силах невозможно было внутренне смириться с потерей Москвы. В большинстве своем русский генералитет осознавал, как мало шансов на победный исход оставалось у защитников первопрестольной. Неслучайно А. И. Ермолов в письме к М. А. Милорадовичу, торопя его приехать к армии, писал: «Мы можем быть несчастливы, но мы русские: и мы будем уметь умирать...»^v В этих словах запечатлелись подлинные чувства большинства военачальников: объективная невозможность защитить Москву в их сознании была связана с гибелью России, а следовательно, с позором их дальнейшего существования. «26 незабвенное Бородинское дело. Считая оное последним в своей жизни, всякий дрался, чтобы увековечить свое имя», — так свидетельствовал о настроениях перед битвой генерал К. А. Крейц^{vi}. Воспоминания защитников отечества на кануне Бородина до сих пор вызывают волнение. «...Наше неравенство сил заменялось любовью к Отечеству и жаждою мщения... Французы также готовились к решительному бою, только не с чувством любви к Отечеству, а с жадностью к добыче и славе завоевания...

Москва лежала перед ними — за полем бит вы. Им надлежало только пройти по трупам сынов ее...», — писал И. Родожницкий^{vii}. «...Москва должна была служить для русского воина тем же, что могила для каждого смертного, за Москвой был уже другой мир», — так удалось, на наш взгляд, Евгению Бюртембергскому выразить словами невыразимое. Знаменитая фраза Кутузова из письма Ф. В. Ростопчину от 17 августа отразила тот же дух и настроения армии: «По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России»^{viii}. Убеждение, заключавшееся в этих словах, было свойственно поколению военных екатерининского царствования, когда, по словам Н. М. Карамзина, «воинствуя, мы разили»^{ix}.

«Екатерининский орел», так же, как и вся армия, с трудом мог примириться с мыслью об оставлении Москвы. Но на поле боя, находясь на командном пункте, М. И. Кутузов сделал все от него зависящее, чтобы сражавшиеся под его началом войска были готовы умереть, не отдав Москвы неприятелю. Однако историки полагают сведениями, которые позволяют судить о том, в каком трагическом положении оказался сам полководец, когда, по мере получения сведений о состоянии резервов, он принужден был изменить точку зрения на возможность отстоять Москву. Документы позволяют утверждать, что ко дню Бородинского сражения Кутузов уже ясно представлял недостижимость этой цели. В переписке с Александром I, Чичаговым, Торماسовым, Ростопчиным им конкретно перечислены условия, необходимые для достижения реального успеха с последующим переходом в контрнаступление: во-первых, «вторая стена» генерала от инфантерии Милорадовича, которую он полагал, согласно документам, численностью в 80 тыс. чел., во-вторых, резервы, сформированные Клейнмихелем и Лобановым-Ростовским, в-третьих, силы Московской милиции, по поводу которой Александр I заверил полководца, что они составляют 80 тыс., на деле же их оказалось всего 24 тыс., и наконец, в-четвертых, главное — фланговый удар, наносимый по коммуникациям неприятеля армиями Чичагова и Торماسова, т. е. концентрическое наступление, к которому советники Александра I предполагали прибегнуть лишь на заключительном этапе войны.

В Бородинском сражении у русских войск не оказывалось даже простого численного превосходства в регулярных обстрелянных войсках. В письме от 24 августа Александр I выразил «приятную уверенность» (это его собственные слова. — *Л. И.*), что Кутузов сможет одержать победу с наличными силами, «опираясь на усердие и ревность войск» и «собственную опытность и прозорливость»^x. Следовательно, в тот же день Кутузов понял, что при любом исходе битвы ее последствием явится отступление. Причем полководец принимал во внимание, что это отступление могло происходить при наседающем и «превосходном в числе» противнике, и оставление Москвы в этом случае явится единственным способом оторваться от преследования и сохранить армию. «После выбора позиции рассуждало было в случае отступления куда идти. Были голоса, которые тогда еще говорили, что нужно идти по направлению на Калугу, дабы перенести туда театр войны...; но Кутузов отвечал: пусть идет на Москву», — вспоминал А. Б. Голицын^{xi}. «Москва — это губка, которая все в себя», — предвидел полководец.

Как бы сложно ни было для Кутузова решиться на генеральное сражение, каких бы усилий и жертв ни потребовалось от него и от начальствуемой им армии чтобы выстоять при Бородине, однако самое тяжелое предстояло ему потом, на следующий день после битвы. Это был день, когда после невероятного подъема патриотического духа, всех подвигов самопожертвования он вынужден был отдать приказ об отступлении. День без иллюзий, когда становился понятен смысл фразы, оброненной полководцем накануне: «Французы переломают над нами свои зубы, но жаль, что, разбивши их, нам нечем будет доколачивать»^{xii}. Что бы ни происходило вокруг него 26 августа, он не позволял себе думать об этом завтрашнем дне, от которого зависела его репутация. Кутузов в гневе прогнал от себя генерала Л. Вольцогена, при всех заговорившего с ним об отступлении, когда неприятель сбил с позиции наше левое крыло и прорвал центр. Старый воин понимал, что в эту минуту отступать нельзя, можно только сражаться. Стоять насмерть, чтобы сохранить дух в войсках, не допустить разгрома, способного превратить его армию в толпу. Вечером, избежав

поражения и отразив неприятеля, он отметил одинаковой фразой в записках Барклаю и Дохтурову все еще реально существовавшую угрозу: «Ибо всякое отступление при тепереш нем беспорядке повлечет за собою потерю всей артиллерии»^{xiii}. Он вводил в бой все новые и новые резервы, будучи уверен, что русские должны выстоять прежде, чем он уведет их с позиции, ставшей «войскам неместною». Дальше удерживать ее за собой было невозможно и бессмысленно, так как реально не существовало ни одного условия, позволявшего развить успех. Он скрыл от своих соратников все сомнения, чтобы они в бою не усомнились в том, что «чувство гордости быть защитником Отечества не имели славнейших примеров»^{xiv}.

Можно сделать вывод, что главная цель в сражении для Кутузова заключалась в том, чтобы не дать себя разбить, сохранить боеспособную армию и вовремя увести войска с поля боя. «...Когда дело идет не о славах выигранных только батальев, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, я взял намерение отступить...»^{xv}

Главные оппоненты Кутузова Л. Л. Беннигсен и М. Б. Барклай де Толли явно лукавят, заверяя, что они добились бы более значительных результатов: первый при Березине, а второй еще и при Царево-Займище. В отношении Беннигсена отметим, что в 1807 г. в сходной ситуации он отступил после битвы под Эйлау, резонно оправдав свои действия в «Записках...»: «Все наши при приготовления и снаряжения значительных корпусов, делаемых во внутренних губерниях империи, не были подвигнуты. Известно, как мало могут послужить на пользу все проявляемые в стране усилия, коль скоро армия ее уничтожена»^{xvi}. К сожалению, к Кутузову он менее снисходителен, чем к себе. Так же, впрочем, как и Барклай де Толли, который сразу же по прибытии к армии Кутузова стал оптимистично оценивать шансы русской армии одержать победу в одном генеральном сражении, которого сам он однако старательно избегал. Император не скрывал иронии, заметив Барклаю по этому поводу: «Так как в ваши планы входило дать неприятелю генеральное сражение, то не все ли было равно дать его у Смоленска или у Царево-Займище?»^{xvii}

И Барклай и Беннигсен настаивали на том, что если бы пре старелый Главнокомандующий последовал их «энергическим» советам, то русские войска достигли бы решительного успеха. Но что именно подразумевать под успехом и как далеко этот успех мог простираться при наличных силах, ни Барклай, ни Беннигсен не упоминают в своих сочинениях. Оба генерала вообще не касаются «скользкой» темы резервов.

В то время как большинство недоброжелателей Кутузова до вольно сдержанно оценивало конечный результат сражения, Барклай был одним из немногих, кто не сомневался в полной победе при Бородине: «Там 26-го августа показали мы врагу нашему и целому свету, как можем мы защищать себя!.. Известно, что он, отраженный от всех пунктов с бесчисленною потерей, удалился с места сего, можно сказать, беспримерного сражения. Одному только высшему начальству известны причины отступления победоносных наших армий при Бородине...Какие предстояли нам над ним выгоды с удержанием места сего!»^{xviii} Со слов Барклая в «Оправдательном объяснении» явствует, что он полагал военную мощь наполеоновской армии окончательно сломленной уже при Бородине, что, впрочем, плохо вяжется с более поздним по времени и более пессимистичным по настроению текстом «Изображения военных действий в Западной армии», посвященных Бородинскому сражению.

Барклай и Беннигсен представляли как бы две крайности во взглядах на действия русского командования: Беннигсен считал, что ошибка, допущенная в размещении войск и в распоряжениях ими Кутузовым, необратимо повлияла на ход битвы, поставив русские войска на грань полного разгрома, вызвав неизбежность отступления; Барклай же полагал, что положение в целом было исправлено в ходе боевых действий его удачными распоряжениями. В обоих случаях высказывания военачальников содержат острую критику в адрес Кутузова, не сумевшего отстоять Москву. Нам же представляется, что Барклай и Беннигсен явно преувеличивают свои способности и возможности. Пламенный Багратион был откровеннее в оценке ситуации, написав Ростовчину 14 августа: «Я вам писал, что умрем у стен Отечества и сдержу слово...»^{xix} Опытный военачальник, соединив в одно целое понятия Москвы и Отечества, так оценил шанс защитить древнюю столицу.

Какими же соображениями, помимо волеизъявления императора, руководствовался М. И. Кутузов, когда «в теплом уповании на помощь Всевышнего решился отдаться на произвол сражения»? Вот что писал об этом К. Ф. Толь: «Мысль отдать столицу неприятелю без сражения была бы вечною укорой каждому русскому, и потому главнокомандующий определил, остановясь на первой крепкой позиции, дать сражение неприятелю... Поелику способы укомплектования неприятельской армии следовали из Франции и Германии, а потому выигранное или потерянное нами сражение было бы в обоих случаях пагубно Наполеону, ибо потери, понесенные в его войсках в Бородинском сражении... не могли быть заменены в скором времени»^{xx}. Последнее обстоятельство, правда, сделалось очевидным лишь по истечении некоторого времени, когда Наполеон, отказавшись от преследования русской армии, долго оставался в бездействии на пепелище московского пожара.

Оговорив крайне невыгодные стратегические условия, в которых оказался русский Главнокомандующий при «вступлении в должность», мы попытаемся проследить за тем, к чему конкретно он готовился на Бородинском поле и что из намерений русского командования удалось реализовать.

Кутузов решился дать оборонительное сражение, «привлечь на себя главные силы неприятельские» на позицию, которую он сам назвал одной из наилучших, «какие только на плоских местах найти можно». Безусловно, позиция при Бородине имела ряд недостатков. Но верно и то, что подметил А. И. Кутайсов: «...И перед самой Москвой мы не нашли бы позиции, которая была бы удобнее к бою»^{xxi}. «...Мы на другой день с Фигнером поехали по линии осматривать расположение войск наших. Наскоро и в ближайшем расстоянии нельзя было найти лучшего места», — писал И. Т. Радожицкий^{xxii}. Российское командование было ограничено не только временем и пространством в поиске позиции, которая удовлетворяла бы всем правилам военного искусства. Критики Кутузова подчас забывают отмечать особенности ландшафта средней полосы России, очевидные для беспристрастных иностранцев. «Россия чрезвычайно бедна позициями», — констатировал К. Клаузевиц^{xxiii}. Наполеон же, как мы знаем, в целом высоко оценил позицию при Бородине, которая в «раскладе» Кутузова имела ряд несомненных достоинств. Он расположил главные силы русской армии на Но вой Смоленской дороге, сразу же обратив на нее особое внимание. Если в размещение левого фланга вносились поправки, менялось его направление и создавались новые опорные пункты, то войска правого крыла сразу же прочно расположились перпендикулярно фронту противника, закрывая собой кратчайшую и удобнейшую дорогу к Москве. Именно по ней, независимо от исхода битвы, Кутузов должен был отвести, оторвавшись от преследования, войска, пришедшие в неизбежное расстройство после кровопролитного столкновения. Только трехколейная Новая Смоленская дорога представляла ему такую возможность.

И.П. Липранди даже считал, что Кутузов пытался создать у неприятеля видимость угрозы перехода в наступление на правом фланге, тем самым сковав левый фланг французов; поняв же, что это ему не удалось, он стал срочно перебрасывать войска на по мощь Багратиону. Возникает вопрос, почему Кутузов сразу не исключил возможность серьезного нападения на свое правое крыло, преимущества и недостатки которого были слишком очевидны. Так, сами французы сразу же отметили непригодность этого участка позиции для активных действий обеих сторон. «...Крыло это было столь же неопасно, как и неприступно», — писал Ф. Сегюр^{xxiv}. Правда, по словам Беннигсена, существовала реальная опасность обхода флангов, как слева, так и справа. Кутузов частично реализовал эту возможность в ходе кавалерийского рейда Уварова и Платова. Ту же опасность отмечал в своем сочинении Б. М. Колюбакин: «Из расположения армии видно, что Кутузов лично, или под давлением докладов Барклая и Толя, и после боя 24-го продолжал придавать значение своему правому флангу, что легко объясняется маневрами IV неприятельского корпуса еще от Дорогобужа в обход нашего правого фланга...и присутствия сравнительно незначительных сил у Шевардина и вообще против нашего левого фланга и на правом берегу р. Колочи»^{xxv}. Далее историк спрашивает: «Мог ли Кутузов предвидеть этот ночной подход к Шевардину 120000 массы с левого берега Колочи и расположение этой массы, ночью же, в такой страшной близости к левому флангу?» Генерал А. П. Ермолов вспоминал: «...Не может быть

сомнения, что оно (левое крыло. — Л. И.) будет предметом атак, и уже в том направлении замечены генералом Беннигсеном главные силы неприятеля, хотя по превосходству повсюду было их достаточно»^{xxvi}. Ермолов был «не благорасположен» к Кутузову в 1812 г. Характерно, что вывод о «превосходстве повсюду» неприятеля является следствием их совместного объезда позиции накануне битвы. Выявление же скопления главных сил неприятеля он приписывает исключительно Беннигсену, к партии которого и сам принадлежал. В «Записках» Ермолова его личные впечатления переплелись со сведениями, полученными позже из «Записок» Беннигсена, что еще раз подтверждает, что повод для сомнений в определении направления главного удара все же существовал. То, что стало очевидным после битвы, накануне таковым не представлялось.

Получалось, что русское командование в лице Кутузова, опасаясь фронтального удара на правом фланге, прикрывавшем Новую Смоленскую дорогу, стремилось привлечь главные силы неприятеля к своему левому крылу. С другой стороны, расположение основной массы русских войск на правом фланге, значительно удаленном от решающего места событий, создавало опасность разгрома левого крыла до прибытия резервов. Именно в этом и увидел свою задачу Наполеон. «Левое крыло неприятельской армии должно было быть уничтожено прежде, чем к нему подоспели на помощь правое крыло и в особенности войска, поставленные у Маслова», — вспоминал Пеле^{xxvii}. В то же время он замечает по поводу сомнений, возникших у Императора около 11-ти часов утра в день битвы: «...Он знал, что гвардия, гренадеры, кирасиры уже с утра введены в дело. Но он также знал, что большая часть неприятельской армии не сражалась, он должен был тревожиться тем назначением, которое готовил ей Кутузов»^{xxviii}. Французский генерал отметил необычность ситуации, которую обходили вниманием отечественные историки: полки русской гвардии вступили в бой прежде армейских корпусов, пришедших с правого крыла. Из этого явствует, что гвардия вступила в бой раньше, чем указано в рапорте Кутузова, избегавшего привлекать внимание к этому обстоятельству, которое одновременно опровергает суждение о том, что войска слишком опоздали на помощь 2-й Западной армии князя П. И. Багратиона. Правильным было бы сказать, что они вступили в бой в ином порядке, чем предполагалось.

Нельзя не признать, что Кутузову потребовалось слишком много времени, чтобы убедиться в опасности, грозившей левому флангу. Настолько много, что это трудно объяснить только стремлением держать войска ближе к основной коммуникации на Москву и опасениями маневров IV корпуса Богарне. Очевидно, лишь крайняя необходимость, которую невозможно было предвидеть заранее — смещение атакующих колонн неприятеля на «оконечность» левого фланга — заставила Кутузова изменить своим намерениям.

Возможно, Кутузов вначале полагал, что массированными атаками левого крыла Наполеон отвлекает его внимание от места нанесения главного удара в центре — между батареей Раевского и деревней Семеновское, где местность наиболее этому благоприятствовала? Кутузов мог учитывать опыт прежних битв Наполеона, его тактику, ставшую к тому времени хрестоматийной. Следовательно, у него оставались опасения за центр позиции русских войск, что подтверждается и мнением Пеле: «Наши силы представлялись этому Генералу в виде колонн, направленных на его центр»^{xxix}. Кому могло прийти в голову, что главный удар неприятель обрушит туда же, куда он нанес один из вспомогательных ударов? Заверения «задним числом» Беннигсена и Барклая в том, что они ожидали именно такого поворота событий, опровергаются следующим фактом: упорные лобовые атаки на узком участке флеша — деревня Семеновское явились неожиданностью для самого Наполеона. Необычность ситуации констатировал в письме Александру I от 27 августа князь П. И. Багратион, писавший: «...А 26-го на самом рассвете неприятель паки сделал нападение сильнейшее, и сражение началось столь жестокое, отчаянное и убийственное, что едва ли были подобные примеры»^{xxx}.

Получив донесения Платова, что левое крыло неприятеля отсутствовало «там, где его предполагали», поняв по настойчивым требованиям Багратиона подкреплений и по

отзывам тех, кого он посылал на левый фланг, что главные намерения неприятеля уже выяснились, Кутузов «стал, наконец, сокращать фронт позиции». Пресловутая растянутость правого крыла, действительно, едва не стала роковой. Но главной причиной этого был все же не просчет русского командования, а непредсказуемость событий на левом фланге, выразившаяся в «самоуправстве» Нея. «Мы слишком усилили свой правый фланг», — констатировал генерал Рапп.

Как одну из причин задержки в передвижении резервов к на шему левому крылу историки называют распоряжения К. Ф. Толя, которому Кутузов излишне доверял. На это указывал Б. М. Колюбакин, А. В. Геруа называл Толя «главным виновником оши бок в развертывании русских войск». Следует признать, что и «ошибки в развертывании войск», и несоответствие условий обо роны на левом и правом флангах сделались ощутимы в связи с неожиданным и опасным для обеих сторон рывком Нея вправо. Трудно было сдерживать этот натиск, но, отразив его ценой ог ромных потерь, русская армия смогла избежать в сражении кри зиса, о котором писал А. П. Ермолов: «Успех, долгое время со мнительный, но чаще клонившийся на сторону неприятеля, не толь ко не ослабил дух войск, но воззвал к напряжениям, едва силы человеческие не превосходящим»^{xxxii}. Конечно, именно такой ход событий дал «козыри» в руки критикам Кутузова, утверждавшим, что они предвидели все это заранее.

Наибольшие опасения у оппонентов Кутузова вызывал все же не сам левый фланг, а Старая Смоленская дорога, ведущая в обход левого крыла в тыл русской армии. Беннигсен, Барклай, Ермолов, Евгений Вюртембергский упрекали Главнокомандующего в том, что он оставил ее без надежного прикрытия. По первоначальному замыслу, в том числе и Беннигсена, там вообще должны были находиться лишь ополченцы и егеря. По словам Барклая, и Куту зов, и Беннигсен полагали, что «сия дорога могла быть легко защищаема нестроевыми войсками»^{xxxiii}. Однако к вечеру 25 авгу ста Кутузов с представления Багратиона осознал опасность и направил на Старую Смоленскую дорогу корпус генерал-лейте нанта Тучкова 1-го. Со слов офицера квартирмейстерской части А.А. Щербинина мы знаем, что Главнокомандующий сказал «ка питану по фамилии, если не ошибаюсь, Фелькеру: «Когда неприя тель... употребит последние резервы свои на левый фланг Багра тиона, то я пушу ему скрытое войско во фланг и в тыл»^{xxxiii}. В замысле, о котором мы вынуждены судить по интерпретации то ли Фелькера, то ли Щербинина, содержится много неясного для историков. К. Клаузевиц считал, что сама эта мысль возникла у К.Ш. Толя: «Толь рассчитывал не только обеспечить левый фланг... но и получить возможность перейти в неожиданное для противника наступление»^{xxxiv}. Считая эту идею весьма целесооб разной, Клаузевиц, однако, думал, что для ее воплощения сил у Тучкова с самого начала было явно недостаточно. Сам корпус должен был располагаться гораздо глубже. Напротив, Б. М. Колюбакин полагал, что Толь поставил «засадные» войска слишком далеко. Считается, что план Кутузова был сорван вмешатель ством Беннигсена. Однако нельзя не обратить внимание на то, что сам Тучков-1 почему-то не знал, «какое точно назначение придано его корпусу»^{xxxv}. Следовательно, он не мог выполнить того, о чем не имел представления, в связи с чем странно было ожидать от командира 3-го пех. корпуса выполнения задачи, ко торую перед ним почему-то никто не поставил. Нежелание Куту зова посвящать в свои замыслы Беннигсена можно объяснить духом соперничества между двумя генералами, но иметь секреты от Тучкова, на наш взгляд, было нецелесообразно. По-видимому, ему даже не сообщили, кому он подчинен. Обвинения в адрес Беннигсена, на наш взгляд, беспочвенны уже потому, что в первый же час сражения Багратион затребовал у Тучкова 3-го пехотную дивизию Коновницына. Тем более странно читать в воспомина ниях Щербинина: «Можно представить себе, как во время Боро динского сражения Кутузов, полагавший Тучкова в скрытом ме сте, удивлен был известием, что Тучков сделался предметом и скорою жертвою первого натиска французов»^{xxxvi}. Если принять во внимание, что дивизия Коновницына уже сражалась к тому време ни у Семеновского вместе с войсками 2-й Западной армии, то следующий пассаж Щербинина вызывает недоумение: «На бед ного Тучкова пало даже подозрение в Главной квартире, что он не умел держаться»^{xxxvii}. Держаться против кого? Против требова ний Багратиона? В свидетельстве Щербинина есть какая-то

не согласованность: если Тучков не знал о назначении своего корпуса, то как его можно было упрекать?

Какая-то загадка здесь определенно есть. Так, Ермолов, при Бородине начальник штаба 1-й Западной армии, в своих «Записках» уверенно описывает успешные действия дивизии Коновницына на... Старой Смоленской дороге. «При селении Утице 3-я пех. дивизия, опрокинув стрелков, долго боролась с подкреплявшими их массами. Мужество генерала Коновницына явилось в сей день в полном блеске»^{xxxviii}. Удивительно, что и М. С. Вистицкий упрекает Тучкова 1-го за преждевременное вмешательство в бой у Семеновского. Похоже, генерал-квартирмейстер 2-й армии также не знал о причинах появления там дивизии Коновницына, приписав все самовольству Тучкова. Об этом же пишет в дневнике и Э. Ф. Сен-При. Из этого следует, что в рапорте Коновницына, написанном им вместо смертельно раненого Тучкова, внимание начальства привлекли лишь первые строки, не относившиеся к 3-й пех. дивизии. Со слов Щербинина явствует, что Толь и Кутузов были потрясены, узнав несколько месяцев спустя о самоуправстве Беннигсена, передвинувшего 3-й пех. корпус. Это означает, что с Коновницыным, находившимся при Главной квартире в качестве дежурного генерала, беседа об этих обстоятельствах не заходила ни разу. Ни Ермолов, ни Толь, ни даже Кутузов почему-то не знали о роли Коновницына в Бородинском сражении, что доказывает черновик наградного списка принца Александра Вюртембергского, которому приписаны все действия у Семеновского, выполненные в сражении Коновницыным (РГВИА. Ф. 103, оп. 208 а, д. 4 ч. 1, св. О л. 82).

Вопрос о том, действительно ли удачным оказалось расположение 3-го пех. корпуса и так ли велика была мера самоуправления Беннигсена подробно и аргументированно исследован в интересной статье А. И. Попова^{xxxix}. Нам же представляется основным следующее замечание Скугаревского: «засада» как спасительная мера в ту эпоху себя уже изжила.

Объективно следует признать, что в первые же часы битвы Тучков-1 с вверенными ему войсками приостановил продвижение корпуса Ю. Понятовского по Старой Смоленской дороге, не дав неприятелю внезапно появиться на фланге сражавшейся армии Багратиона, находившейся и без того в критическом положении. Одновременно выяснилось, что войск, находившихся здесь, было явно недостаточно, чтобы предотвратить выход неприятельских войск в тыл. Многие оппоненты Кутузова не без оснований считали, что движение неприятеля по Старой Смоленской дороге представляло большую опасность, чем натиск на Новой Смоленской дороге. «Правый наш фланг был бы отодвинут только назад, и дорога к отступлению через Можайск на Москву была бы нам открыта и ни в коем случае не могла быть угрожаема, составляя перпендикуляр к линии расположения нашего правого фланга. Но увенчавшись полным успехом натиск Наполеона на наш левый фланг, тогда, при малейшей оплошности Кутузова, армия угрожалась бы потерей сообщений по столбовой дороге на Можайск, могла быть притеснена к Москве-реке, и неприятель, форсируя по Старой Смоленской дороге через Утицу мог придти в Можайск и чрезвычайно затруднить наше положение»^{xl}. Этот замысел Наполеону в ходе сражения реализовать не удалось.

«Вызывая противника на лобовую атаку...и рассчитывая расстроить его сильной обороной войск, исполненных "чрезвычайным духом" и огнем значительной артиллерии, Кутузов в войсках общего резерва и массах кавалерии имел орган маневра, т. е. средство атаковать и самому расстроенного и истощенного противника»^{xli}. Так определял Б. М. Колюбакин замысел полководца относительно своего левого фланга, обстоятельства обороны которого вызывают много спорных вопросов.

Нам уже приходилось отмечать, что в отечественной историографии сложилось устойчивое представление о слабости левого крыла, оборона которого отождествлялась исключительно с защитой флешей Багратиона. Подобному толкованию событий историками можно найти объяснение. Встречая в иностранных источниках упоминание о Семеновских укреплениях, они полагали, что речь идет именно о Семеновских, или Багратионовских, флешах. Это явствует со всей очевидностью из последних трудов отечественных историков. Так, Н. А. Троицкий в своей известной монографии

«1812. Великий год России» (М., 1988) пишет, что флеши были возведены на Семеновских высотах. В. Н. Земцов в замечательной книге «Битва при Москве-реке» сообщает: Наполеон «счел, что Курганная высота и Багратионовы "флеши" стоят на одном гребне, вследствие чего и решил взять их одновременно»^{xlii}. Трудно представить себе точку обзора, откуда батарея Раевского и флеши смотрелись бы на одном гребне, даже если допустить, что Наполеон не смог до конца понять своеобразие местности и расположения русских войск. Тем более, как мы знаем, он не ставил своим войскам задачи овладеть одновременно центральной высотой и флешами Багратиона, что с очевидностью явствует как из его распоряжений накануне битвы, так и из хода сражения. Неприятелю трудно было овладеть батареей Раевского, пока Семеновское находилось в руках Кутузова: войска Богарне не могли удержать Большой редут после того, как Багратиону удалось выбить Нея из Семеновского.

Многочисленные документы (репортажи Кутузова, Багратиона, дневники Сен-При, записки Ермолова, Паскевича, воспоминания Евгения Вюртембергского) позволяют утверждать, что основная линия обороны левого крыла проходила по Семеновскому оврагу и была усилена батареями у деревни Семеновское. Знаменитые флеши Багратиона служили прикрытием этой позиции со стороны Утицкого леса и входили в систему оборонительных сооружений левого фланга. Военачальники 2-й Западной армии не пишут о «пресловутой» слабости этого участка позиции. Так, И. Ф. Паскевич, включавший в понятие левого фланга и батарею Раевского, вероятно потому, что в начале ее защищали войска 2-й Западной армии, писал: «Фронт позиции, особенно на левом фланге, защищен был сильными батареями»^{xliii}. Э. Ф. де Сен-При указывал в дневнике: «...Деревня Семеновка (Семеновское. — Л. И.) была ключом выбранной позиции, которая оказывалась достаточно прикрытой на правом фланге и в центре берегами Колочи»^{xliv}.

Конечно же, русское командование учитывало возможность и даже неизбежность сильного натиска неприятеля на левом фланге, поэтому не следует преувеличивать его слабость. Находившиеся у Семеновского войска имели возможность не только обороняться, но и сами неоднократно контратаковали неприятеля. Так, атака от Семеновского между 9 и 10 часами утра, организованная Багратионом, ударную силу которой составили гренадерские полки, простиралась почти до Шевардина. О силе позиции у деревни Семеновское позволяют судить данные, приводимые А. П. Ларионовым в статье «Использование артиллерии в Бородинском сражении». Даже если допустить, что автор несколько преувеличивает огневую мощь оборонительного рубежа у Семеновского, делать вывод о неподготовленности левого фланга к длительной обороне было бы неправомерно. Естественные высоты и полевые укрепления использовались на этом участке позиции с таким расчетом, чтобы обеспечить интенсивный перекрестный обстрел, затруднив неприятелю подступы к Семеновскому. «Эти редуты были простые реданы... в форме шеврона, не закрытые у входа, так что вторые позиции неприятеля оружием и картечными залпами выметали находившихся внутри их. Удержаться в них было несравненно труднее, чем завладеть ими», — вспоминал Жиро де л'Эн^{xlv}. Об этом же свидетельствует рапорт Кутузову генерал-майора К. К. Сиверса, редко цитируемый историками: «Наша батарея с помощью других батарей на нашем левом фланге причинила большой вред как неприятельской батарее, так и его войскам»^{xlvi}.

В то же время следует отметить, что левый фланг был действительно укреплен слабее, чем правый, защищенный самой природой. В силу последнего обстоятельства нам представляется неправомерным даже сравнивать условия, в которых находились сражающиеся войска правого и левого флангов. Важнее ответить на вопрос, возможно ли было укрепить левое крыло и батарею Раевского в инженерном плане основательнее, чем это было сделано? Можно согласиться с выводом А. И. Попова: «2-я армия позже начала строительство укреплений, и ее инженерные средства количественно уступали таковым в 1-й армии. Позиция 2-й армии первоначально была иной: она также тянулась вдоль Колочи. После Шевардинского боя ее пришлось сместить на Восток, и времени на создание новой линии обороны оставалось в обрез»^{xlvii}. Заметим, что начальник штаба 2-й армии Э. Ф. де Сен-При не упоминает о каком-либо вынужденном смещении позиции после боя у Шевардина: «Главкомандующий, чтобы воспрепятствовать

приближению к ней (деревне Семеновское. — Л. И.), приказал укрепить деревню и возвести впереди несколько флешей. Занялись также укреплением высоты, которая находилась впереди деревни, возле деревни Шевардино, но только для того, чтобы наблюдать за движениями неприятеля и поддержать отступление арьергарда. Надеялись, что этот арьергард может задержать неприятеля в течение всего 24 числа и дать время окончить укрепления. Но с 3 часов пополудни арьергард находился в полном отступлении и успели лишь занять артиллерией высоты и разрушить деревню Семеновку, которую не могли укрепить за недостатком инструментов. Только три флешей левее этой деревни были окончены»^{xlviii}. Тем самым Сен-При отрицает наличие командования замысла первоначально расположить левое крыло вдоль берега реки Колочи. Слишком поспешный отход арьергарда и отсутствие шанцевого инструмента — вот, по его мнению причины, из-за которых не удалось усилить естественный оборонительный рубеж у Семеновского. Впрочем, позиция 2-й армии представлялась Сен-При достаточно сильной, а оборона на это участке достаточно успешной.

Не меньше разногласий среди участников битвы, а следовательно у историков, вызывали укрепление и оборона Курганной высоты, которую все единодушно называли «ключом всей позиции». Именно так отзывались о ней Беннигсен и Ермолов, Раевский и Толь. Липранди подробно описал происходившую на глазах Кутузова, Багратиона, Барклая и почти всего генералитета армии дискуссию о том, какие меры надлежит принять, чтоб подготовить к обороне этот участок позиции. «Беннигсен думе поставить здесь хорошо построенное сомкнутое укрепление, с прорезанными амбразурами кругом... Такое укрепление, доказывал он, следовало вооружить 24-мя или даже 36-ю батарейными орудиями..., и поместить четыре или пять батальонов. Толь был противоположного мнения: он настаивал сделать тут просто люнет? 18 орудий и включить оный в линию позиции»^{xlix}. Липранди вспоминал далее: «Доводы обоих были сильны, но мнение Беннигсена втайне признавалось большим числом». В пользу суждений Беннигсена высказывается в «Записках» и А. П. Ермолов. К сожалению, его приверженность к Беннигсену и недоброжелательность; по отношению к Кутузову заставляют усомниться в объективности его оценки. Беннигсен возражал против того, чтобы центральная высота была включена в линию обороны 6-го и 7-1 корпусов: «...Если включают этот пункт в позицию, неприятель, завладев оным, будет анфилировать линию обоих корпусов и тем понудит их отступить в настоящую их позицию, уже от больше убыли неминуемо расстроенным»^l. Очевидно, под воздействие этих доводов Кутузов, хранивший молчание во время спора, сделал все же некоторые распоряжения. «...Не изменяя положение 1-й армии, приказал левое ее крыло довольно далеко отклонить назад, отчего конечность избегала атак скрывающегося в лесу неприятеля и возможность быть обойденною», — писал Ермолов^{li}.

В воспоминаниях Д. Богданова отмечены преимущества в обороне батареи: «Правый фас ее шел под выстрелы двух батарей у деревни Горки и артиллерии 6-го корпуса, а левый подал к фронту 7-го корпуса, обстреливался его орудиями и с открытой батареей в 60-т орудий, поставленных у деревни Семеновской; поэтому вся местность, лежавшая перед нею, защищалась сильным, перекрестным огнем»^{lii}. Учитывая мнения Беннигсена, Ермолова, Липранди, не следует пренебрегать высказыванием самого Раевского: «Теперь, господа, мы будем спокойны: император Наполеон видел днем простую, открытую батарею, а войска его найдут крепость; доступ к ней защищают более 200 орудий, рвы достаточной глубины и ширины, отглассировано снаружи прочно и хорошо увидим, как и что будет»^{liii}. В целом же продолжительность защиты этого укрепления зависела от успеха обороны Семеновского, со стороны которого батарея Раевского простреливалась так же, как и со стороны деревни Горки. Неприятелю трудно было овладеть укреплением и удержаться в нем. Но русские войска, оборонявшие батарею Раевского, также несли здесь большие и неизбежные потери по причине, описанной в воспоминаниях С. И. Маевского: «Посреди этого ужаса и смерти Багратион послал меня к Раевскому посмотреть, что у него делается? Раевский взвел меня на высоту батареи, которая в отношении к полю была то же, что бельведер в отношении к городу. Сто орудий засыпали ее»^{liv}. Если бы Кутузов и принял совет Беннигсена, и времени хватило бы на сооружение здесь замкнутого люнета, все же само укрепление и

находившиеся в нем люди не менее пострадали бы от массированного артиллерийского огня.

Местность, определенная Наполеоном для нанесения главного удара, безусловно, представляла ряд невыгод для оборонявшихся. Отсутствие естественных укреплений и недостаток инженерных сооружений приходилось возмещать за счет плотности боевых порядков, усиленной концентрации войск на сравнительно узком участке позиции. К. Клаузевиц отмечал в своем сочинении: «Мы должны будем признать, что построение первых линий было очень плотным. Если к этому добавить, что корпуса Багговута и Остермана, оказавшиеся без дела на правом крыле, впоследствии были взяты оттуда и использованы на поддержку других пунктов и, следовательно, также играли роль резервов, то мы увидим, что русская армия дралась в тот день в беспрецедентном по тесноте и глубине боевом построении. Столь же тесно, а следовательно, примерно так же глубоко построилась и французская армия; если ее охватывающий фронт был несколько длиннее русского, то это с лихвою покрывалось большим числом ее бойцов... Этим же объясняется сильное и упорное сопротивление русских... Этим же объясняются и огромные потери людьми»^{iv}.

Клаузевиц уверенно полагает, что эти плотные боевые порядки возникли не стихийно, чтобы любой ценой отбить неприятеля, но из первоначального расчета русского командования. «Полковник Толь являлся решительным сторонником глубокого построения, т. е. занятия короткого фронта и сохранения сильных резервов, — свидетельствует Клаузевиц. — Автор также в этом построении видит лучшее средство обеспечить переход от обороны к наступлению... Автор не раз беседовал на эту тему с полковником Толем, и он не сомневается, что русская армия под Бородино построилась, главным образом, по указаниям этого офицера»^{lv}. Однако не один Толь был приверженцем подобного боевого порядка. 25 августа 1812 г. главнокомандующий 2-й Западной армии кн. П. И. Багратион отдал приказ войскам, заканчивающийся словами: «Резервы иметь сильные и сколько можно ближе к укреплениям как батарейным, так и полевым»^{lvii}. Условия позиции, которую занимала его армия, заставляли военачальника предвидеть характер боя — ожесточенные штыковые схватки, исход которых может решить вовремя подоспевший резерв. Издержки подобного боевого построения — огромных потерь от артиллерийского огня — по-видимому, не всегда удавалось избежать. Клаузевиц по этому же поводу заметил: «По нашему мнению, поле сражения должно было иметь большую пространственную глубину, то есть кавалерию и резервы следовало отодвинуть глубже назад»^{lviii}. Справедливо будет заметить, что бои у деревни Семеновское вряд ли представляли подобную возможность.

Огромные потери, понесенные войсками 2-й армии, явились следствием не только «беспрецедентного по тесноте и глубине боевого построения». Их можно объяснить смещением центральной группировки неприятельских войск под командованием Нея вправо. Эта оплошность «храбрейшего из храбрых», давно замеченная французскими историками и даже явившаяся причиной дуэли между Сегюром и Гурго, долгое время оставалась вне поля зрения отечественных историков. Именно в этом содержится частичное оправдание Кутузова в его промедлении с оказанием помощи левому крылу. В сочинении Пеле, по праву признаваемом по сей день наиболее основательным, отмечалось: «...Едва голова третьего корпуса спустилась в овраг, как неукротимый воин кидается вправо, куда призывает его сильная пальба, где он замечает некоторое колебание в войсках первого корпуса»^{lix}. По замыслу Наполеона он должен был составить центр батальи и ворваться в Семеновское. Успех битвы зависел именно от этого. В книге В. Н. Земцова говорится следующее: «Обращает на себя внимание дискуссия в отечественной литературе, начатая недавно Л. Л. Ивченко и А. И. Поповым. Если Ивченко высказала предположение о том, что главный удар Наполеон направил в район между Курганной высотой и д. Семеновское, то Попов пришел к выводу о главном ударе французской армии на широком пространстве от Колочи до Утицкого леса»^{lx}. Со своей стороны заметим, что вряд ли можно назвать нашим предположением то, что явствует из действий неприятельской стороны и отражено во французской историографии. Примером может служить статья Ж. Гарнье в «Dictionnaire Napoléon» (1989). По мнению автора статьи, местность вдоль Семеновского оврага являлась центром линии, занимаемой русскими войсками^{lxi}. С одной стороны она ограничивалась

Большим редутом, с другой — Семеновскими высотами. Гарнье полагает, что Багратионовы флеши были со оружены на Семеновских высотах и также входили в «центр линии». «Центром командовал Багратион (корпуса Раевского и Бороздина), — пишет Гарнье — Левое крыло было образовано корпусом Тучкова»^{lxii}. В силу убеждений, вынесенных из французских источников, Гарнье полагает, что и Даву, и Ней атаковали именно центр позиции — деревню Семеновское, где предполагалось нанести главный удар, прорвав фронт. Этому способствовали войска Богарне слева, и Понятовский справа, который, по мнению автора, не справился с задачей. С 6 до 10 часов битва велась вокруг деревни Семеновское, считает Гарнье. Багратион же был смертельно ранен при попытке отразить атаку Даву, Ней и Мюрата, рвавшихся к Большому редуту при поддержке войск Богарне. Каким бы причудливым ни показалось это описание событий на левом фланге, что бы ни являлось, по мысли Ж. Гарнье, центром нашей линии, где бы ни находились, по его убеждению, флеши, но место, где планировалось нанести главный удар, во французских сочинениях обозначается четко.

Таким же очевидным является «самоуправство» Ней, которое нередко проявлялось им и в других сражениях, и также не всегда имело положительный результат. Если А. И. Попов определяет направление атаки маршала из «учета задач, возложенных на со седей по фронту», то мы можем подтвердить свои выводы, проанализировав ситуацию в ходе сражения. «...Между нами и вице-королем оставалось незанятым очень значительное пространство, — констатировал Рот фон Шрекенштайн. Самодеятельность Ней здесь налицо»^{lxiii}. Он пытался «одним ударом поразить двойную цель: взять флеши и ворваться в деревню Семеновское»^{lxiv}. Захватив флеши совместно с войсками Даву («дивизии Компана и Ледрю...вошли, смешавшись, в одну флешь»), Ней попытался взять Семеновское, но был отбит. Честь отражения этой атаки по праву принадлежит «красе и гордости Российской армии» князю П. И. Багратиону. В отличие от Ней его «экспромт» был удачным. Он правильно оценил угрозу, нависшую именно над левым крылом. Трижды, по воспоминаниям М.С. Вистицкого, обратившись к Кутузову за помощью и поняв, что резервы не успевают к нему в нужное время, «второй главнокомандующий» успел сконцентрировать и стянуть к левому флангу все наличествующие по близости войска, несмотря на их подчиненность. Кроме его собственного частного резерва — 2-й кирасирской и 2-й гренадерской дивизий, к Семеновскому подошли 8 батальонов 7-го пех. корпуса Раевского, полки гвардии, кирасирская бригада Бороздина 2-го, 3-я пех. дивизия, 1-я сводно-гренадерская бригада. В результате Ней был выбит из Семеновского, вследствие чего не удалась попытка Евг. Богарне захватить батарею Раевского. «Линия армии не была прорвана, и ее левый фланг был только осажен назад», — писал Э.Ф. Сен - При^{lxv}. Потери, понесенные французами, были непомерно и неоправданно высоки.

Результат битвы вполне оправдывал ожидания М. И. Кутузова как Главнокомандующего. Один из героев сражения М. С. Воронцов позднее писал в воспоминаниях: «По поводу Бородинского сражения я всегда думал, что у нас и других никогда не оценивали верно это ужаснейшее и кровопролитнейшее сражение новейших времен; то не была победа, как об этом донесли в первое время в Петербурге, оно не было поражением, потому что, кроме занятия Москвы, которого задолго следовало ожидать, все его последствия были нам благоприятны; воистину оно было могилой французской пехоты, которая с первых годов революции насчитывала десять успехов на одно поражение, и во всех отношениях изменила политическое положение Европы»^{lxvi}.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *Богданович М.И.* История Отечественной войны по достоверным источникам. СПб., 1860. Т. 2. С. 174

ⁱⁱ *Попов А.И.* Бородинское сражение (боевые действия на северном фланге). Самара, 1995. С.3.

ⁱⁱⁱ Бородинское сражение. Извлечение из записок генерала Пеле о русской войне 1812 года // Издание ИО ИДР. М., 1872. С. 60.

^{iv} Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 141.

^v Цит. по: *Кавтавадзе А. Г.* Генерал А. П. Ермолов. Тула, 1977. С. 41.

-
- vi Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 359.
- vii Там же. С. 384.
- viii Фельдмаршал Кутузов. М., 1995. С. 380. Там же. С. 168.
- ix *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. М., 1991. С.42.
- x Фельдмаршал Кутузов. С. 178.
- xi Там же. С. 363.
- xii Бородино. Документы... С. 384.
- xiii Там же. С. 95, 96.
- xiv *Ермолов А. П.* Записки. М., 1991. С. 197.
- xv Бородино. Документы... С. 102.
- xvi *Беннигсен Л.Л.* Записки о войне с Наполеоном 1807 года. СПб., 1900. С. 152.
- xvii Труды ИРВИО. Т. VI. кн. 2. СПб., 1912. С. 10.
- xviii Там же. С. 4-5.
- xix *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современник СПб., 1882. С.97.
- xx *Толь К, Ф.* Описание битвы при селе Бородине. СПб., 1839. С.
- xxi Воспоминания Евг. Вюртембергского о кампании 1812 года в России // Военный журнал. 1848, №1. С. 53.
- xxii Бородино. Документы... С. 383.
- xxiii *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1937. С. 87.
- xxiv *Сегюр Ф.* Бородинское сражение. Киев, 1901. С. 17.
- xxv *Колюбакин Б. М.* 1812 год. Бородинское сражение 26 августа Русская старина. 1912. Кн.3, №8. С. 265.
- xxvi *Ермолов А.П.* Указ. соч. С. 186.
- xxvii **Бородинское сражение...** С.93.
- xxviii **Там же.** С.82.
- xxix **Там же.** С. 71-72.
- xxx Бородино. Документы... С. 109—110.
- xxxi *Ермолов А. П.* Указ. соч. С. 197.
- xxxii **Бородино. Документы...** С.331.
- xxxiii *Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1900. С. 14—15
- xxxiv *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 75.
- xxxv *Харкевич В.* Указ. соч. С. 16.
- xxxvi **Там же.** С. 17.
- xxxvii **Там же.**
- xxxviii *Ермолов А. П.* Указ. соч. С. 190.
- xxxix *Попов А. И.* «Засадный отряд» Н. А. Тучкова. (Сомнение в с **видном**, или апология **Беннигсена**)// **Отечественная война 1812 г (Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VII науч. конф. Бородино, 1998. С. 122-142.**
- xl *Липранди И. П.* Материалы для истории Отечественной войны 1812года СПб., 1867.
- xli *Колюбакин Б. М.* Указ. соч. С. 262.
- xlii *Земцов В. Н.* Битва при Москве-реке. М., 1999. С. 57.
- xliiii *Паскевич И. Ф.* Походные записки. 1812 год в воспоминав **современников**. М., 1995. С. 101.
- xliv *Харкевич В.* Указ. соч. С. 150.
- xlv Россия первой половины XIX века... С. 155.
- xlvi РГВИА. Ф. ВУА, д.3561, л. 23-26об.
- xlvii *Попов А. И.* Бородинское сражение... С. 14.
- xlviii *Харкевич В.* Указ. соч. С. 150-151.
- xlix *Липранди И.П.* Указ. соч. С. 20.
- l Там же. С. 51.
- li *Ермолов А. П.* Указ. соч. С. 187.
- lii Бородино. Документы... С. 338.
- liii Там же.
- liiv Там же. С. 371.
- lv *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 89.
- lvi Там же.
- lvii **Бородино. Документы.** С.91.

-
- lviii *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 89.
- lix *Бородинское сражение...* С.75.
- lx *Земцов В. Н.* Указ. соч. С. 197.
- lxi Dictionnaire Napoleon. Paris. 1989. P. 269-270.
- lxii Ibid. P.269.
- lxiii Цит. по: *Попов А. И.* Меж двух «вулканов»... Самара, 1997. С.16.
- lxiv *Ивченко Л.Л.* Боевые действия у деревни Семеновское // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы науч. конф. Бородино, 1993. С.31.
- lxv *Харкевич В. И.* Указ. соч. С. 168.
- lxvi Там же. С. 200.